

Не верьте, что книжки разговаривают только по ночам. Дескать, когда все спят, герои сходят со страниц или что-нибудь в этом роде. Нет, нет и нет! Разговаривают и днём, и ночью, и в будни, и в праздники и даже в ночь под Рождество – сам слышал. Конечно, по ночам разговор серьезней и обстоятельней, не мешают шаги из угла в угол и громкие мысли Хозяина, тем более что передуманы ещё будут сто раз. Но долго ли, коротко, громко ли, шёпотом разговор не прерывается никогда – даже в долгие годы забвения.

Нет, дело совсем не в том, разговаривают книжки или нет. Разговаривают! Как разговаривают и о чём – вот в чём суть!

И тут чрезвычайно важно, как книги стоят.

Если мало, то о чём говорить? Два-три десятка, согласитесь, не предмет для разговора, как их не ставь.

Если их слишком много и они разбросаны – свалены на пол, вкривь и вкось лежат на подоконнике или, не будем уже об этом и говорить, завалили весь стол - настоящего разговора не получится. Будет разноголосица, отрывочность и, вообще, никто никого не слушает, только сами и говорят.

Нет, все прочитанные и ждущие своей очереди книги должны стоять на полках в стеллажах. И без всяких стёкол! Между ними и Хозяином не должно быть даже прозрачных преград. Стекло прозрачно только для видимого спектра, а ультрафиолет?

Вы говорите пыль? А изредка взять и полистать читанное. И вам польза – настоящее чтение перечитывание, писал Владимир Набоков, а он, поверьте, знал, что говорил, – и пыль не успеет вьесться. Ну, и, конечно, пылесос – чистота залог здоровых отношений.

Стоять стеллажи должны буквой «П», окружая у окна

письменный стол Хозяина. Перекладина должна быть по возможности расширена – насколько позволяет кабинет. Под полками внизу шкафчики – для случайных, неведомо как сюда попавших и немного пролистанных книжек (не выбрасывать же!) и для всяких рукописей, набросков и вариантов – не выбрасывать ни в коем случае! Ну, разве что, сжигать...

Но вот книги стоят, наглядно и чисто, но как стоят? Не в алфавитном ли порядке?! Ни в коем случае! Только представьте себе – он вас не любит, да и вы его терпеть не можете, а вас сажают за стол рядом по первой букве фамилии. Ничего хорошего не получится, уверяю вас. В лучшем случае красноречивое молчание, хуже – ссора, а то и, упаси Господи! – литературная драка. Нет, нет! Хороший Хозяин рассадит по интересам, будет внимательно следить за накалом разговора, и постарается не допустить нежелательных контактов и крайних степеней.

Но вернёмся к книгам. Ну, как можно рядом с Буниным ставить – да ещё и впереди! – какого-нибудь, скажем, Бабаевского? А придвиньте вплотную к Ивану Алексеевичу даже из противоположного конца алфавита Константина Георгиевича Паустовского, или Андрея Платонова, или Солженицына или даже, совсем уж из конца, Чехова – а? Совсем другой разговор!

Нет, никаких первых букв. Руководствуйтесь только любовью и вкусом. У вас же есть собственный вкус?

Как искать? А искать не надо. Если у вас не коллекция, а книги – не марки, не слоны, не дорогие автомобили – чего их коллекционировать, а ваша личная библиотека, то все книги вы знаете в лицо. Забывается? Ну, тогда в шкафчик. Да и сколько у вас прочитанных книг наберётся, даже если вам уже и за шестьдесят? Тысяча? Полторы? Ну, от силы, две – что там запоминать?

Все эти условия совершенно обязательны, без порядка в нашем деле, да и в любом другом, нельзя никак, но для разговора крепкого, впечатляющего явно недостаточны.

Главное – тема. 0 своём за годы, десятилетия и даже столетия книги уже не раз говорили. И ещё будут говорить и спорить, открывая друг у друга всё новые глубины. Но это разговоры, за прошествием лет, уже спокойные, медленные и мудрые, без яростных споров, обвинений и упрёков. Другое дело книга новая, на полках не устоявшаяся, может быть, даже ещё и неизданная. Тогда – конечно!

Вот как сейчас. Хозяин уgomонился, лёг и, как смог, заснул. А на столе свеженькая, только из-под принтера, рукопись, ещё и права голоса не имеющая. Её, безусловно, надо и немедленно обсудить.

По полкам проходит небольшой шумок, книги поудобнее устраиваются, перебрасываются ничего не значащими словами, шелестят страницами – предвкушают. Наконец устанавливается гулкая тишина уже недолгого ожидания – ну, кто первый?

- Нет, но что мне непонятнее всего, как эти современные авторы берут подобные сюжеты? Где они их находят? Откуда достают? – Начинают разговор со своего хутора возле украинской деревеньки тёмно-зелёные читанные-перечитанные тома даже с почти сожжённым вторым, с записками уже и совсем ненормального, стоящие в самом центре перекладки, главной части книжных построений.

- А в чём, собственно, дело? - Структурирует художественный текст толстенный том в светло-жёлтой суперобложке на левой стойке, там, где у нас литературоведение, философия, история, математика и другие науки. – Если под сюжетом понимать развитие характеров или, как говорит мой коллега по альтернативным прогулкам с героями сатанинских романов, этическое наполнение знаковых элементов фабулы, то, прежде всего, важно, есть сюжет или нет. А в Вашем вопросе, господин Классик, уже содержится утверждение, что есть.

- Есть, есть, – не очень охотно выходит из тенистых

аллей красно-коричневое собрание сочинений в девяти томах, похрустывая антоновскими яблоками, – и предмет разговора есть. Что, в конце концов, сюжет? Любовь и смерть. Художественным событием и значительным может стать даже кончина какого-нибудь господина из Североамериканских штатов. А тут бурные шестидесятые двадцатого столетия, провинция, куда доносятся отзвуки исторических событий. Обыкновенный, без роду и племени, паренёк с большими способностями осваивается и осваивает пространство и время. Превосходный сюжет! Всё дело в том, как он реализуется, к чему приходит. Тут явный случай открытого конца. Продолжение в умах читателя, но и автор обещает вести своих героев дальше. Посмотрим...

- Сюжет романа, что читаем, прост и сложен, – глуховато и чуть нараспев зазвенела струнами старинная мифологическая книжка десятилетних войн и путешествий, начавшая европейскую литературу. – Следим мы становление героя от детства и до зрелых лет почти. Предложенные мной ещё до вашей эры конкретности рассказа автор не нарушил. А обобщения будем делать уже мы. Коль эти обобщенья будут. Но материал какой-то всё же есть.

- Сюжет, сюжет... – вернулась из однодневного путешествия по ирландской столице большая книга, забывшая в конце все знаки препинания, – сюжеты везде, даже в потоке сознания. Важно, к чему они ведут. Если мы вошли в книгу и такими же из неё и вышли, то какова бы ни была фабула, сюжета никакого нет. Но нашего Хозяина это, кажется, не касается. Тут характеры героев развиваются довольно стремительно. Вот только достаточно ли характеров для полноты картины? Не маловато ли героев?

- А не режет слух «Хозяин»? – Оторвались от тяжёлых дум о мироустройстве, исторических сражениях, самоубийственного положения женщины и размышлений на тему, что же такое искусство, многочисленные тома тёмного золота. – Хозяин чего? Книг? Да, он относится к нам по-хозяйски, но с такой

любовью и трепетом, что в пору подумать, кто тут хозяин. Давайте лучше «наш автор». Не в том смысле, что он уже наш – до этого ещё долгий-долгий путь, да и состоится ли он, а в том, что обсуждаем его рукопись.

- Согласны, согласны. Наш автор очень бережно относится к литературной традиции. Что позволяет ему идти дальше. Может быть, и значительно, – горячо заговорили лекции по мировой литературе, стоящие на левой стойке, в то время как их художественные собраты, посвящённые шахматным дебютам, бабочкам, приглашениями на лобное место и несовершеннолетней любви, занимали достойное место на перекладине как классика двух литератур. – Но вернёмся к сюжету. Тут был упомянут поток сознания. Это же в значительной мере условность, игра. Человек мыслит не только словами, но и образами, импульсами и ещё Бог знает как. А передавать всё это словами, значит договориться с читателем. В конце концов, поток сознания присутствует везде, даже в драме. Возьмите, например, последние часы и минуты Анны Карениной – это ли не поток сознания? Задолго до присутствующего здесь Джойса. Впрочем, наш автор всеми этими психологизмами явно не злоупотребляет. Его сюжет – развитие мышления и чувств молодого растущего человека. А фабула – приключения мысли. И любви. А вот детали... Наш автор, в общем-то, владеет этой стороной повествования. Посмотрите, например, лаконичное, но просто-таки объёмное описание встречи героя с тундрой! И всего-то на три четверти страницы. Не маловато ли деталей? Наш автор как будто экономит штрих...

- Да-с, – протянуло свинцово-серое, как петербургское небо, издание, занятое страдальческим самоочищением с разбором правонарушений, возмездий и особенностей пенитенциарной системы, с чёрным автографом автора на обложке. – Вы говорите о фабуле как о приключениях мысли и любви. Но они развёртываются во второй половине двадцатого века, в напряжённом, динамичном и стремительном времени и уже

совсем другие – новые, может быть, не совсем нам понятные и не каждого могущие увлечь. Обострённые чувства, как вера, уже не могут занимать господствующего места в жизни. Суть их со временем мало меняется, но ищет нового стиля существования и изложения. Сюжет сюжетом, но каков стиль нашего автора? И есть ли он...

- Да, это вопрос, – роясь в записных книжках, перебежали с чемоданом из зоны в заповедник четыре белоснежных тома. – Стиль должен прослеживаться. У нашего автора фразы то короткие, то длинные. И в одном предложении частенько встречаются слова, начинающиеся на одну букву. Это же проза, к чему здесь аллитерация? И пусть читается хорошо, но над чёткостью и узнаваемостью стиля надо ещё работать.

- Стили бывают разных луёв! – Невпопад гаркнули с лесенки стихи в красномкожем переплете, в кофте цвета шок и расплывчатых штанах.

- Фиглярство в литературе – последнее дело, – одёрнули пролетарскую поэзию двадцать увесистых томов полного собрания сочинений Основоположника, изданных к столетию со дня смерти. – Помнится, вы мечтали стоять почти что рядом, чего Хозяин, слава Богу, не допустил без всякого Надсона, так ведите себя прилично. Что касается стиля, то он, безусловно, есть. Он не только хорошо чувствуется, но и прослеживается во многих деталях – нестандартный и ненадоедливый юмор, лексика, подбор слов, набор приёмов, построение предложений. Но вот фразы... Зачастую наш автор прерывает запятыми или тире предложение, чтобы втиснуть объяснения и размышления. Такой приём заслуживает внимания, но требует от читателя определённого напряжения и памяти. Не знаю...

- Интересно, как наш автор отнесётся к такому обсуждению? – Стихи пролетарского поэта мгновенно посерьёзнили. – Нас с нашими традициями, ритуалами, стилями надо ломать и выбрасывать с парохода истории. А мы требуем, чтобы нам внимали. И, кажется, наш автор внимает. Не слишком ли?

- Не нужно ничего ломать и выбрасывать, – вздохнул

небольшой томик великих стихов, призывавший сквозь весенний первый гром молчать, скрываться и таить. – Но идти своим путём, как бы одиноко ни было. Наш автор ищет путь к себе, не только никого не зачёркивая, но в борьбе привлекая нас на свою сторону. Удастся – будет стоять меж нами. Но это уже решать времени...

- В стиле важно, как писатель относится и осваивает историческое наследие, – с левой стойки засучила рукава светлая книга с красным теснением, учившая пролетариат ремеслу поэта, в то время как стихи, писанные в перерывах между исследованиями литературы, прекрасно себя чувствовали на правой части перекладки. – Давайте послушаем стихи нашего автора, обращённые в том числе и непосредственно к нам:

Не мешайте, чужие стихи!
Как не вовремя вы и не к месту!
Эlegantны, нарядны, легки,
Вам к парадному надо подъезду.
Да, я знаю – и вы рождены
Среди хаоса, крови и пота,
Но сейчас вы с другой стороны,
А у нас черновая работа.
Тут за словом не только в карман,
И на стенку – вы ж видите! – лезу,
Разгоняю словесный туман,
Обхожу мишуру и дурман,
Прохожу дымовую завесу.

И теперь, когда близок итог,
Когда мы пробиваемся к свету,
Что же вы нам сбиваете слог,
Отдаляете нашу победу?
Но стихи, засучив рукава,
Наступают и строго и грозно:

Надо сверить сейчас же слова!

Когда выйдут на свет – будет поздно.

Вот эта сверка - ценное качество нашего автора, которую следует понимать как – хранить, но не повторяться. Для времени нашего автора чрезвычайно трудное занятие. Но, кажется, в основном справляется. Не везде, правда...

- Вы меня извините, – вклинивается с левой стойки большая книга с формулами и «Троицей» Рублёва на обложке, старающаяся доказать, что науке есть место в искусстве, – но если мы отвлеклись от рукописи и разбираем нашего автора во всём объёме его прозы и поэзии, то обратите внимание на композицию приведённого стихотворения. Количество строк первой части – тринадцать – относится к заключительной – восемь – так же, как всё стихотворение к первой части. Один и шесть десятых с хвостиком. Золотое сечение! Числа Фибоначчи! Но мы-то с вами хорошо знаем, что наш автор писал не с калькулятором в левой руке.

- Законы красоты не требуют счёта при создании. Но потом анализ, даже математический, может быть, и не помешает, – засомневался сине-голубой двенадцатитомник, ищущий хорошую жизнь в России, – но и вряд ли поможет. У художника задействовано, прежде всего, правое полушарие. Но не без левого, конечно. Мы-то знаем, что наш автор ничего не считал, как не считаем и мы. Но если попробовать количественно оценить настоящие стихи и прозу, то всегда найдутся какие-нибудь закономерности. У нашего автора они тоже есть, ну, и прекрасно. Главное – есть ли смысл во всех его построениях. Может быть, немного не хватает прозрачности?

- Но всё-таки обратите внимание на семантическую функцию золотого сечения: – в «Троицу» вписались три белых круга, несмотря на обратную перспективу табурета, – заключительная часть не только переиначивает содержание первой, но и точно указывает момент вмешательства – «когда близок итог». А что касается математики, то наш автор

довольно смело включает в художественный текст даже формулы. Его герой учится мыслить, как же можно обойтись без искусственного языка науки.

- Формулы... – погрустнела плотная книга без тайн и печали, собирающая под вечер подорожники. – Всё это, конечно, любопытно. Нам ли не знать, из какого мусора рождаются великие полотна, не зная стыда. Но формулы... Не слишком ли? А ведь наш автор их включает даже в стихи. Вот начало его «Солнца»:

А солнце светит и не знает
Куда лучи его летят,
И даже не предполагает,
Что $E=mc^2$.

Ну, и где здесь поэзия? Обратите внимание, не словами «е равно эм це квадрат», а именно формулой. Право, не знаю...

- Но формулы в обиходе человечества испокон веков, – выбралась из мрачной преисподней через центр Земли на совершенно неземной свет роскошно изданная с многочисленными гравюрами книга. – Их писали на песке, на глине, на коре, пергаменте до изобретения самой бумаги. Почему же они не могут быть материалом самой высокой поэзии. Мы в своё время считали себя геометрами и использовали математические образы даже при изображении Высших Сил – три равновеликих круга, правда, разных цветом. Что же касается нашего автора, то математические знаки для него естественны и весьма органичны художественным текстам. А в процитированном стихотворении формула получает поэтическое развитие. Читайте дальше: «и в обращённой светом массе / Бурлит энергия...». То есть формула прочитана в обратном порядке и порождает многие смыслы. Ведь речь идёт о поэте.

- Давайте вернёмся к рукописи, – выскочил перпендикулярный голос с самого верха правой стойки,

там, где у нас фантастика, приключения, детективы и самые нелепые измышления о литературе. – Пусть сюжет не фабула, но не кажется ли вам, что интрига недостаточно закручена? Читатель любит напряжённость, нестандартные ходы... Действия, наконец. Должно же что-то в романе происходить. А тут какой-то, прямо-таки, ноль-стиль.

- Смотря какой читатель... – появились из времени больших ожиданий с компасом, лоцией, старинными путеводителями, изучая глухие закоулки любимой Родины, разрозненные серые с зеленью большие и малые книги. – Мы тоже читатели, в том числе и своих произведений. Ну, может быть, более квалифицированные. И ищем не внешнюю интригу, отнюдь. Глубокие внутренние напряжения чувств и мыслей доставляют куда большие переживаний. Конечно, наш автор ждёт подготовленного читателя как соавтора, способного дописать и довообразить намеченное в произведении. Наш автор любит Родину, знает её не понаслышке и умеет её описать, но не слишком ли сдержан?

- Более того, – продолжили мысль великого природописателя классически изданные книги, уставшие от поисков утерянного времени своего литературного героя, но уже отдохнувшие в обществе молодых цветущих женщин, – острая фабула мешает чтению, отвлекая внимание от центрального замысла. Не ориентироваться же нашему автору на поверхностного читателя, захлёбывающегося зевотой на экзистенциализме. Но вот спонтанной деятельности сознания у нашего автора маловато...

- Минутку, минутку, – глуховато кашлянула книжка, вернувшаяся из семи путешествий и получившая уроки закавказского языка, – но наш автор не пренебрегает фабулой. Просто он применяет не частый приём, так сказать, капельной драматургии, включая в ткань прозы достаточно конкретные рассказы. Другое дело, что тут может возникнуть стилевая разноголосица.

- Позвольте, – хохотнула разномасштабная старинная книга

с великанами, карликами и даже разумными лошадьми, – разве стиль не есть нужное слово на нужном месте? Другое дело, как его найти и определить место, а читателю разобраться, то ли и там ли стоит. Но разные повествования требуют разных слов. И, по-моему, в основном их автор находит. Нет, тут претензий нет. Но вот философская сущность... Без гротеска, знаете ли...

- Давайте попробуем говорить не о философской стороне – она всегда какая-нибудь будет, – а о материале произведения, – вежливо, но решительно отряхнул снег с унт синий восьмитомник, занятый героическими поисками пропавших во льдах экспедиций и личной жизнью советских микробиологов. – Наш автор, судя по всему, знает дело своих героев изнутри, будучи специалистом в описываемой области. Недаром же вон там, в самом низу левой стойки, сто двадцать его научных публикаций. В своё время роман о микробиологах потребовал от нас определённых профессиональных знаний. Пришлось обложиться специальной литературой. И всё-таки оказалось, что профессия героев не так важна, главное – человеческие отношения. Не слишком ли конкретен наш автор?

- А как же вы хотите разобраться в борьбе научных идей, поверхностно их понимая? – неопределённого цвета книга, живущая явно не хлебом единым, оторвалась от научной и ненаучной борьбы. – В конце концов, есть же и читатель научно и технически образованный, для которого формулы и схемы не тайна за семью печатями. Или писать только для гуманитариев?

- Господа, господа, – постучала по обложке тёмно-зелёная книга, начавшая дискуссию, – мы уходим от художественности – сюжета, композиции, языка, наконец. Есть ли у нашего автора свой язык? Не научные же и не литературоведческие термины определяют художественность. Пока чёрт не украл Луну, давайте осветим эту важнейшую сторону.

- Свой язык есть, хотя бы потому, что наш автор всех нас читал и не повторяется, – заявила книга цвета родной

земли, как будто только что выбравшаяся из котлована. – Бережное отношение к прилагательным, природа, данная тонкими точными штрихами и без лишних слов. Вот только индивидуальная звуковая и смысловая окраска, особенно прямой речи, ещё требует размышлений.

- Мы говорим о языке написания, о русском языке нашего автора, или о художественном, надстраиваемом над первичным? – две пространные книги левой стойки прервали исследования материи и прозы поэзии, с отвлечением на испанскую прозу. – Образная система далеко не прозрачна, состоит из множества взаимодействующих деталей и требует анализа. Но ясно, что за конкретными историями маячат довольно глубокие и не однозначные обобщения. И выражено это на приличном по словарному запасу и достаточно грамотном литературном языке без выкрутасов и окрашено ненавязчивым юмором. Язык хорош, когда хочется читать и не отрываться, а тут, согласитесь, очень даже... Но достаточно ли индивидуален язык каждого героя? Тут нашему автору ещё работать и работать.

- Но наш автор не чурается и лексики с ярко выраженной экспрессивной окраской, - зашелестели полностью все деревья поэзии и прозы, занятые братскими отношениями с жизнью и медицинским обеспечением враждующих сторон, стоящие всё-таки вместе на видном месте перекладины, на полке поэзии. – Вспомните неожиданное «выпендриваешься» или балансирующие на грани нормативности манипуляции с фамилией «Мо'йхер», не говоря уже о диалектизмах и даже украинизмах. Всё это требует простоты нас не щадящей и филигранной техники, с которой автор не всегда в ладах...

Неожиданно в беседе наступила пауза. Луна из окна ушла. Звёзды не первой величины померцали и угасли в морозном воздухе приблизившегося рассвета. Но яркие продолжали блистать всеми альфами, бетами и гаммами созвездий.

Книги ушли в себя и перелистали собственное мастерство.

Литературная техника, затронутая нобелевским романом, волновала всех, но понималась и принималась далеко неоднозначно.

- Техника не что иное, как отражение индивидуальности, – аккуратные коричневато-серые томики выбрались, наконец, с островов страшного архипелага, но оказались в самом начальном круге того же ада. – Основным средством техники является всё тот же язык. И, прежде всего, первичный. Мы, в своё время, расширили русский язык до известного предела и даже издали соответствующий словарь. Наш автор этого практически не делает. Правда, сочетания слов у него своеобразные. Но без собственных слов или, хотя бы возврата к старым с новым прочтением, состоится ли самобытный автор?

- Но зато наш автор избежал и неуместной патетики, – делая запись в жалобной книге, отправляя письма деду неизвестно куда и мучаясь раненой птицей в ягодном саду, пожали обложками солидные тома малогабаритных произведений. – Вот только пошлости мало, пошлости... А её стало куда как много. Слава Богу, наш автор хоть телевизор не включает, кроме новостей.

- Пошлость нынче не ваша спокойная плотская любовь на плоту – улыбнулась своим коллегам с апельсинами из Африки липовая суперобложка с южного полуострова, ставшего островом, – но агрессивная, и ломится во все щели, двери и окна. Она сама себя так отражает, что нашему автору не стоит и трудиться. Главное, чтобы не был пошл герой. С этой стороны к нашему автору ещё нужно приглядеться.

- Но главное, главное... – переходит от словесности к образному мышлению инопланетного разума и незапертых комнат исполнения желаний, в которые так никто и не входит, одинокая книга великого кинематографа, стоящая на переходе от левой стойки к перекладине, – запечатлено ли время? Не слишком ли свободно наш автор перемешивает временные

пласты? Получается ли из такой мозаики цельная картина? Правда, если сопоставить скучно-правильных мадонн старых мастеров с многозначной улыбкой «Моны Лизы» или чуть ли не инопланетных «Охотников на снегу» Питера Брейгеля, то кажется, что они из разных эпох...

- Как раз характеризующее своё сложное время, – потечески нахмурились поздние томики стихов, основательно полагающие, что земле – земное, а снег совершенно белый. – Которое, впрочем, простым никогда и не бывает. Поэзия, даже в прозе – особое восприятие мира. Цельность и острота чувств не требует ни буквальной правды, ни хронологии. И смотрится с расстояния. Как сказал наш автор в стихотворении «Импрессионизм»:

Но вам души тончайшие движенья
Моей никак не рассмотреть вблизи –
С дистанции, попутно и в связи,
Во время сложатся мои мгновенья.

Дистанция уже достаточная, действие повествования развёртывается лет сорок-пятьдесят тому назад. Пора бы этим мгновениям сложиться.

- Не совсем так, – альтернативно заиграла принтеровскими страницами, переплетёнными пластмассовой спиралькой, рукопись из интернета, свободно прогуливаясь с героями бессмертных романов. – Наш автор поручил повествование своему герою, находящемуся как раз в своём времени. И для него время распадается именно на мгновения. Фактически роман нашего автора мениппея, в котором отношения героя с автором сложные и неявные. И, конечно же, присутствует не одно время.

- Время, время... – ритмично закивал песенный сборник, стоящий в некотором отдалении от поэзии и несколько заскучавший от всех этих сложных разговоров. – Как мы популярно пели когда-то: миг между прошлым и будущим...

- Судить о времени - прерогатива самого Времени, – откликнулся вечнозелёный шеститомник в белом венчике из роз с серебряно-вековой фамилией автора, – и возмездия не миновать! Дать форму безначальной звуковой стихии и значит запечатлеть время. А удалось ли это нашему автору, само время и покажет.

- Не забывайте, – негромко загремел небывалым мастерством писем к итальянскому другу кремовый двухтомник стихов с ломаной строчкой и фигурой, сидящей на чемодане на суперобложке, – нашему автору довелось родиться в империи и присутствовать при её гибели. Вблизи такая тектоника обнажает самые разные и, на первый взгляд, случайные пласты неэвклидовой геометрии. Кроме того, наш автор вроде бы сомневается в самой категории времени:

В природе времени наверно нет,
Есть вечное движение Вселенной...

Мы сами когда-то отправляли время из прибалтийского кафе, но всё-таки продолжали смотреть ему вслед подолгу... Мне кажется, что у нашего автора трение души о время высекает не слишком яркие искры.

- Кстати о времени, – постучала элегантной тростью необычная книжка воспоминаний с бриллиантовым венцом, не обращая внимания на отошедшую борьбу за власть советов, гавриков и белеющие паруса, – наш автор задаёт временные и географические загадки, предпочитая не давать точных координат. Читателю, а в дальнейшем, возможно, и литературоведам, придётся основательно покопаться, чтобы определиться. Но раскодированию, безусловно, подлежит. Например, дремучий парк над чудной рекой, или, скажем, «пятьдесят пятая годовщина Тунгусского метеорита» неожиданно точно определяет место и время действия рассказа, прямо неопределённого. Следует отметить значащие имена и прозвища. Но не сложновато ли?

- Такой приём не только добавляет интеллектуальную интригу, – понимающе кивнула трёхтомная теория литературы с левой стойки, занятая стихами, прозой и анализом жизни и творчества Фёдора Ивановича Тютчева, – но и обнажает игровой и пародийный моменты искусства. Помяните моё слово, но и нашу беседу наш автор передаст без имён и названий. Как в книге предыдущего оратора. То-то будет потеха разбираться, кто что сказал!

- Не кажется ли вам, – выглянула из какой-то неопределённой крепости книга, потерявшая человека в самом себе, – что следует сосредоточиться, прежде всего, на несовершенствах обсуждаемой рукописи, оставив философию и загадки последующим поколениям, если они сумеют в них разобраться. Авторам полезна суровая критика с точки зрения непрерывного литературного процесса, скачки которого задают гении. Наш автор не юн физически, но в литературе ещё очень молод.

- Вопрос о совершенстве далеко не так прост, – с левой стойки чуть заскрежетала сопроматом мягкая обложка известного материаловеда, озабоченного вопросами, почему мы не проваливаемся сквозь пол, и почему не ломаются вещи, – Во всяком случае, не следует понимать совершенство как отсутствие несовершенств. Позвольте небольшую техническую метафору из, казалось бы, далёкой области.

Как известно, реальная прочность материалов порой в десятки раз ниже теоретической, под которой можно понимать усилие отрыва атомов. Причина – несовершенства кристаллической решётки. Один мой аспирант подготовил целую программу выплавки бездефектного металла. И добился цели. Но получил мелкодисперсный кристаллический порошок. Что позволило нашему автору в одной из лекций по своей рабочей специальности заявить, что несовершенства есть способ существования конструкционного материала, и задача учёного и инженера не столько бороться с ними, сколько уметь управлять их качеством и количеством. Не так

ли и в литературе?

- Недостатки – продолжение достоинств и наоборот, – нетрезво покачиваясь вернулась из путешествия в небольшой городок Владимирской области небольшая, но многих книг тяжелей, мятая, цвета кагора, книжка. – Несовершенна жизнь, несовершенны писания... Герой романа может выпить, правда, изредка, просто до блаженного состояния. Но анализа этого состояния мы у нашего автора не находим. А жаль... Он, кажется, вполне способен описать пограничные состояния. Может быть, в дальнейшем?

- Совершенство требует эталона, – проводят ночной дозор, так и не разобравшись, кто кого охраняет, книги, напрочь отказавшиеся от поэмы, и стоящие, как Аполлон по колено в снегу. – В литературе его быть не может, хотя сверять есть с кем. Как-то я нашему автору написал, что его стихи несовершенны. Он, кажется, обиделся и прекратил переписку. Думаю, я был прав – наш автор тогда ещё только начинал, однако так неосторожно мне, может быть, и не следовало высказываться. Но что есть совершенство? Даже если бы мы смогли дать математически точное определение, что это такое, вряд ли бы мы его обнаружили. Более того, литература тут же бы и кончилась – куда идти дальше, если достигнут идеал? Нашего автора это мало касается – до идеала ох, как далеко. Взять хотя бы сцену первой любви...

- Тут уместно вспомнить принцип неопределённости Гейзенберга, – твёрдо выступила из полки на левой стойке физико-философская книга, исследующая научную неопределённость и информацию, – действующий не только на уровне ядерных процессов. При приближении к цели цель меняется. Также меняется и душевное состояние под скальпелем нашего автора. Он сам обращает внимание на ошибки и извлекает из этого художественную информацию. И я бы даже поставил вопрос – а не слишком ли мало науки?

- Совершенно пишут мастера, – небольшой, элегантно-небрежный томик, по-хозяйски идёт, шагает по столице,

– которые на самом деле подмастерья. Несовершенства, как почерк, только расширяют понимание замысла. Следует даже остерегаться правки, чтобы не выплеснуть младенца. А наш автор, кажется, этим злоупотребляет.

- Что-то мы сильно отклонились, – потрясли записками об охотничьем ружьишке и разбираясь отношениями родителей и их потомков, книги цвета облаков над бежинными лугами. – Интуитивное восприятие читателями романа вряд ли будет сосредоточиваться на достоинствах и недостатках. Того и другого в романе достаточно. Роман, может быть, прежде всего, о любви. Согласитесь, она обычна и, в то же время, очень необычна для русской литературы. Посмотрите в каких жутких условиях она развивается! Общежития, комнатка в шесть квадратных метров, с удобствами во дворе, безденежье, вечные поиски заработков... Все условия для гибели чувства – ан нет! Любовная лодка, используя метафору пролетарского поэта, не разбивается о быт. У героев общая цель – построить жизнь практически с нуля. И на этой войне любовь их крепкий тыл и в то же время передовая. Поверит ли читатель в такую любовь? Мне кажется, поверит...

- Но современно ли всё это? – жуёт какое-то голубое сало подозрительного цвета книга, стоящая на самом краю перекладки. – Мало того, что в романе нет даже намёка на мат, почти нет секса и драк, так ещё чуть ли не идеальная любовь. В наше время, раздираемое противоречиями, такая гармония...

- Гармония – борьба и единство противоположностей, согласие разногласного, – лёгкой жизнью из осени в дубовых лесах показалась необыкновенная книга, очень серьёзно относящаяся к трали-вали и горько плакавшая во сне. – И этой диалектики в романе достаточно. Но тут любовь героев выступает как более широкое чувство. Как любовь к родителям, к людям, к звёздам, ко всей вселенной. И, конечно, любовь к Родине, которую наш автор понимает как чувство, воспитываемое культурой, а не только наследственный

фактор. И если литература имеет и воспитательный аспект, то такую любовь можно только приветствовать. Дай Бог нашему автору понимающего читателя...

- О каком читателе может идти речь?! – Скандально зашумели разноцветные издания в мягких и твёрдых обложках, но всё равно трудно различимые, всё-таки примостившиеся наверху правой стойки. – Читатель требует не какой-то скучнейшей прозы или поэзии, а Героя. Действий, а не переживаний, самокопаний и тому подобной муры. И информации – чем больше, тем лучше. Какие действия и события в романе? Разве что в рассказах. И то... У нашего автора, который явно не наш, ничего же фактически не происходит. Нет, широкий читатель вряд ли это будет читать.

- Но вряд ли и нужен так называемый широкий читатель нашему автору, – подала весомый голос из глубины левой стойки неистовая критика. – Другое дело, что литературе нужны не столько гении, сколько авторы, отображающие сегодняшнюю жизнь во всех её противоречиях. Не без нашей помощи, литература уже стала общественным явлением. Решает критика, а не какой-то там читатель. К вашему сведению, в нынешнее время определяет и коммерческий успех. Но тут его явно не будет...

- Вот мы и есть теперь общественное явление, – продолжали голосить детективы из задворок правой стойки и любовные романы в шкафчиках – у нас тиражи, критика, презентации на телевидении – всё схвачено, всё куплено. Вон, даже, перпендикулярная философия есть. Мы к себе нашего автора не возьмём.

- Да он и не пойдёт... – задумались голубоватые книжечки, так и не сварившие детёныша козла в молоке, но продолжавшие дудеть в гипсовые трубы. – И тут ещё большой вопрос – пойдёт ли рукопись нашего автора в печать? Или будет издана тиражом пару сотен экземпляров на средства автора?

- О чём вы говорите?! – С сердцем друга человека воскликнули книги самого сатанинского цвета. – О пойти

не может быть и речи! Когда все посты в искусстве заняты, извините за выражение, образованцами всяких профильных институтов и факультетов и министрами-шоуменами. Нет-нет, этим страницам долго лежать и желтеть в столе. До лучших времён...

- Которые, может быть, никогда и не наступят... – желчно закончили дискуссию печальные письма о родине, прислонясь к томам своего друга Основоположника.

- Разговор далеко не окончен, – тёмно-зелёная книга начала закрываться. – Множество тем, возбуждённых нашим автором, мы не обсудили, ещё очень многие авторы хотят высказаться, но нам следует перейти в другую тональность. Вон, Хозяин уже ворочается в быстром сне. Чёрт знает, что ему там снится. Утро, господа, утро...

Хозяин вскочил и, толком не проснувшись, не убрав постель, не сделав зарядки, не приняв холодный душ, не выпив первую чашечку кофе, кинулся к рукописи и забегал из угла в угол. Господи, сколько нужно переделать, убрать, добавить, исправить, а то и вообще переписать!

А книги продолжали обсуждение, но уже беззвучно. Потому что они разговаривают всегда – и днём, и ночью, и в будни, и в праздники. И даже в ночь под Рождество, когда и состоялся этот разговор.

Сам слышал.